

Глава 31. Потеря контроля

Гу Цинсю поймал его взгляд и, мгновенно всё осознав, замер. Из-за их положения ему приходилось поддерживать затылок Инь Чжоу предплечьем. Он постарался максимально расслабить мышцы, чтобы те не превратились в жёсткий камень и не давили на чувствительную железу юноши.

Но как бы он ни старался, Инь Чжоу почти всем весом опирался на него, и само запястье Альфы не могло стать мягким.

Инь Чжоу смотрел на него снизу вверх, вытянув шею и запрокинув голову. Его кадык отчётливо обозначился; парень напряг все мышцы, до которых мог дотянуться, пытаясь сделать заднюю сторону шеи твёрже, чтобы хоть как-то защитить уязвимую зону.

Однако это не помогло. Напротив, из-за этого напряжения кожа на затылке едва заметно сместилась по руке Гу Цинсю. От места соприкосновения по телу Инь Чжоу мгновенно прошла волна парализующего, щекочущего жара.

Его тело, только что натянутое как струна, внезапно обмякло. словно спущенная тетива лука, он вздрогнул всем корпусом и начал судорожно хватать ртом воздух. Мелкие капли пота выступили на его шее, отчего кожа в свете софитов казалась ещё более белой и нежной.

Лишь спустя несколько мгновений Инь Чжоу, кажется, совладал с этой вспышкой дискомфорта. Он уткнулся лицом в грудь Гу Цинсю, ещё крепче вцепившись пальцами в его одежду, а его ноги беспомощно скользнули по полу.

Он был похож на рыбу, бьющуюся в сетях.

Оператор, не отрывавшийся от объектива, невольно расширил глаза.

«Неужели это... игра? — пронеслось в его голове. — Слишком живо, слишком натурально! Будто всё происходит на самом деле!»

Никто не знал, что это и впрямь было правдой — по крайней мере, наполовину. Инь Чжоу просто не стал до конца подавлять свои истинные ощущения, позволив им вплестись в образ Омеги. Будь он в обычном состоянии, он бы ни за что не остался в чужих объятиях так долго.

Силин Суфэн опустил голову, ловя каждое изменение в его состоянии. В его тёмных зрачках промелькнул странный отблеск, а кадык едва заметно дёрнулся.

— Я отпустил тебя. И что дальше? Куда ты сейчас пойдёшь один?

Его голос звучал непривычно тихо, почти нежно — словно он боялся спугнуть того, кто был в его руках.

Феромоны Ло Цяня продолжали изливаться наружу. Каждая клетка его тела кричала о желании, чтобы этот Альфа прижал его к себе ещё крепче. Чем мягче звучал голос генерала, тем сильнее в душе юноши разгоралась необъяснимая обида — горькое чувство Омеги, чья жажда осталась неутоленной.

Инстинкты взяли верх. Ло Цянь, сжимая ткань доспеха, потянулся навстречу Альфе, жадно вдыхая воздух в надежде почувствовать его запах. Его шея снова вытянулась, но на этот раз в его движении не было страха — лишь отчаянная попытка сближения.

Почувствовав на своей коже чужое горячее дыхание, Силин Суфэн едва заметно повёл бровью. В его глазах на мгновение вспыхнула тьма, но он сохранил ледяное спокойствие:

— Омега в период течки именно таков — он почти не властен над собой. В моей резиденции нет Омег, и я не могу тебе помочь. Тебя придётся отправить в исправительное учреждение.

В этот момент их тела почти соприкасались. Лицо Омеги находилось у самой шеи Альфы; его прямой нос едва не касался чужой кожи. Со стороны казалось, что он доверительно положил голову генералу на плечо — поза была пугающе интимной.

Силин Суфэн убрал руку с его затылка и, скользнув ладонью вдоль спины, подхватил юношу под лопатки. Но стоило ему приготовиться поднять его на руки, как Ло Цянь резко пришёл в движение. Он упёрся ладонями в грудь генерала и с силой оттолкнулся.

Разумеется, сдвинуть Альфу ему не удалось, но этого хватило, чтобы отстраниться от его шеи, пахнущей жаром, не покидая при этом кольца его рук.

Силин Суфэн замер, глядя на него сверху вниз.

Взгляд Ло Цяня был затуманенным, в нём читалась мучительная внутренняя борьба. Он несколько раз моргнул, пытаясь подавить нахлынувшее вожделение. Наконец, собрав остатки сил, он прошептал:

— Прошу вас, генерал... не отдавайте меня в исправительное учреждение. У меня... у меня есть травы. Просто помогите мне добраться до комнаты, хорошо?

Слабый, измождённый Омега с трудом сфокусировал взгляд на лице воина. Его вид был жалок, но голос звучал на удивление твёрдо. Лишь последние два слова он произнес почти умоляющим шёпотом.

Силин Суфэн долго смотрел в его глаза, и его холодный взор постепенно смягчился. Спустя

мгновение он издал нечто похожее на вздох и коротко ответил:

— Хорошо.

***

— СТОП! Снято! Превосходно! Последняя сцена — просто блеск. Переведите дух и подходите к мониторам, посмотрим дубль.

— Хорошо, режиссёр Линь.

Инь Чжоу тяжело выдохнул и стер пот с лица. Гу Цинсю выпустил его из объятий и негромко спросил:

— Ты как?

Инь Чжоу по привычке улыбнулся:

— Да что со мной будет...

Гу Цинсю пресёк его слова, положив руку на плечо:

— Не строй из себя героя. Я же всё видел.

Инь Чжоу осекся. Встретившись с серьёзным, спокойным взглядом актера, он вдруг понял: а ведь и правда, к чему эти церемонии? Перед кем ему здесь разыгрывать спектакль?

Он поднялся на ноги ещё до того, как подошла Сяо Ян, и, отряхивая одежду, признался:

— Будь это обычный день, я бы, наверное, даже не заметил такого давления. Но после вчерашнего... кожа там всё ещё слишком чувствительная.

Он повёл плечами и уже занёс руку, чтобы потереть шею, но Гу Цинсю мгновенно перехватил его запястье.

— Опять чесать вздумал?

Инь Чжоу опешил:

— Что, даже легонько нельзя?

Вместо ответа Гу Цинсю просто потянул за край воротника Инь Чжоу, слегка коснувшись им его железа. Парня словно током ударило; он подскочил на месте, вырываясь из рук Альфы:

— Вы чего?! Решили на меня исподтишка напасть?!

Гу Цинсю посмотрел на него с нескрываемым скепсисом. Стоявшие в паре шагов Сяо Ян и Ши Инь лишь недоуменно переглянулись.

Инь Чжоу, осознав нелепость ситуации, неловко кашлянул и пробормотал, возвращаясь на место:

— Ну... могли бы и просто сказать. Зачем сразу за железу хватать...

Гу Цинсю промолчал.

Инь Чжоу чувствовал, что его железа, похоже, стала чересчур чувствительной. Ему отчаянно хотелось узнать, что там происходит, но сам он ничего не видел, а зеркало было слишком далеко — в гримёрке.

Он мельком взглянул на Сяо Ян. Она была Бетой, к тому же девушкой... Нет, не пойдёт.

Тогда он повернулся к Гу Цинсю:

— Слушайте, посмотрите, что у меня там с железой. Сильно покраснела?

Гу Цинсю не ответил.

«Только что ворчал, что его трогают за шею, а теперь сам просит посмотреть? — подумал он. — Невероятный человек»

Юноша встал к нему спиной. Почувствовав, что Альфа медлит, он обернулся и усмехнулся:

— Ну помогите же. Кроме вас и попросить-то некого: одна — Омега, другая — Бета.

Сяо Ян и Ши Инь во все глаза наблюдали за ними.

«Оба Альфы, — Ши Инь невольно сглотнула, — так что ничего такого в этом нет»

Гу Цинсю окинул взглядом шею Инь Чжоу. На бледной коже всё ещё блестели мелкие капли пота. Воздух вокруг юноши едва заметно пах красным вином. Этот аромат можно было уловить, только подойдя вплотную.

Ноздри мужчины непроизвольно дрогнули. На самом деле он чувствовал этот запах ещё во время съёмки. Будучи Альфой высшего ранга, он обладал куда более острыми чувствами, чем обычные люди. Тонкий аромат красного вина преследовал его на протяжении всей сцены. Возможно, сам Инь Чжоу даже не замечал его.

Гу Цинсю невольно порадовался тому, что вчерашний инцидент дал ему возможность привыкнуть к чужим феромонам. Конечно, если вдыхать их слишком долго, его собственная аура начинала проявлять беспокойство, но пока не было прямого контакта «кожа к коже», он вполне мог себя контролировать.

Стараясь не обращать внимания на пьянящий аромат, он протянул руку, чтобы отогнуть воротник Инь Чжоу. Но в этот момент парень внезапно обернулся.

— Ах да, я совсем забыл. Я же весь вспотел, наверное, феромоны...

Рука Гу Цинсю замерла в считанных сантиметрах от его лица. Дыхание Инь Чжоу коснулось пальцев актера.

Инь Чжоу замер и поспешно отступил на шаг, пытаясь перевести всё в шутку:

— Ха-ха, чуть не наткнулся на вашу руку.

Гу Цинсю не знал, злиться ему или смеяться. «Наткнулся»? В этом ли была проблема? Он сжал пальцы в кулак и негромко скомандовал:

— Обернись.

Но Инь Чжоу не унимался:

— Да я же не договорил! Я хотел сказать, что, может, мне сначала вытереться...

Гу Цинсю не стал слушать. Видя, что тот не двигается, он сам сделал полшага вперёд и, обхватив Инь Чжоу за плечи, свободной рукой оттянул воротник его одежды, быстро заглядывая внутрь. После чего тут же отпустил его и отступил на прежнее место.

— Хватит болтать. Ничего страшного там нет, просто след от давления, немного покраснело. Нужно наклеить успокаивающий пластырь?

Инь Чжоу всё ещё пребывал в лёгком замешательстве. Гу Цинсю приблизился и отстранился так стремительно, что парень почувствовал лишь лёгкое дуновение воздуха, коснувшееся его щеки. словно мимолётное прикосновение ветра.

В этом ветре был какой-то запах, но он был слишком слабым, чтобы его узнать. Инь Чжоу непроизвольно принюхался, но аромат уже исчез.

Гу Цинсю ждал ответа, но парень, погружённый в свои мысли, хранил молчание.

— В чём дело? — спросил Гу Цинсю.

— А? — Инь Чжоу очнулся. Наверное, это был запах одежды или парфюма. Он покачал головой и, взяв у Сяо Ян салфетку, вытер шею. — Да нет, ничего. Не нужно пластыря, если не трогать — не болит.

Стоявшая рядом Сяо Ян мысленно сделала себе пометку.

«А учитель Гу внимателен. Мне ещё многому стоит поучиться! — подумала она. — Нужно обязательно носить с собой успокаивающие пластыри»

В её сумке были ингибиторы, спреи и блокаторы, но про пластыри она совсем забыла.

***

Инь Чжоу и Гу Цинсю подошли к режиссеру Линю, чтобы отсмотреть дубли. Гуань Янь тоже стоял рядом, не сводя глаз с экрана и делая вид, что не замечает подошедших.

Они начали просмотр с самого начала. Линь Юйминь довольно комментировал:

— У Инь Чжоу отличный взгляд. Актер, который умеет играть глазами, обладает невероятным шармом. Очень, очень неплохо.

Режиссёр не скупился на похвалы в адрес Инь Чжоу, и лицо Гуань Яня становилось всё мрачнее.

Когда на экране дошли до момента, где Цзинь Чжан видит, как Ло Цянь поднимается и продолжает путь вопреки давлению, Линь Юйминь нажал на паузу:

— Эту часть нужно будет переснять. От момента, где Ло Цянь встаёт, до появления Силин Суфэна. Слов там нет, Инь Чжоу сыграл отлично, эти мелкие жесты руками очень кстати. Но есть нестыковка в движениях Гуань Яня и Инь Чжоу. После того как Инь Чжоу закончит

сжимать руку, учителю Гуань Яню нужно дать последний, самый мощный импульс ауры. На этом моменте — зафиксировать выражение лица.

Инь Чжоу кивнул и обернулся к Гуань Яню:

— Простите, учитель Гуань, мне показалось, что в том месте уместно добавить этот жест. Давайте договоримся: как только я опущу руку, это будет сигналом к окончанию моего действия. В этот миг вы и примените силу.

Обычно актеры заранее согласовывают последовательность движений. Гуань Янь даже не посмотрел на него и ничего не ответил, лишь едва заметно кивнул.

Видя такую реакцию, Инь Чжоу не стал настаивать. Он не собирался навязываться человеку, который явно испытывал к нему неприязнь, и просто вернулся к экрану.

Дальше на видео появился Силин Суфэн, Гуань Янь и остальные ушли, и началась сцена между главными героями. В кадре лицо Гу Цинсю казалось безупречным — от него невозможно было отвести взгляд. Но дело было не только во внешности: его игра была безукоризненной. Внешне он оставался беспристрастным, его поза была полна достоинства, но мимолётное движение век и сложный, глубокий взгляд, скользнувший по шее юноши, выдавали его истинное состояние. В конце он намеренно отвёл глаза, уставившись в землю перед собой.

Так Силин Суфэн выражал своё уважение к Омеге. Эти несколько скупых жестов лучше любых слов говорили об интересе генерала к этому юноше.

Что же до самого Инь Чжоу... Он впервые видел себя в роли Омеги. В отличие от почти статичного Гу Цинсю, он был воплощением движения: на экране Инь Чжоу тяжело дышал, в его затуманенном, но упрямом взгляде читалась борьба. Он постоянно двигался, но в каждом жесте была своя логика. Омега в период течи не может быть спокоен: в его движениях сквозило первоначальное влечение, которое сменялось отчаянной попыткой сопротивления.

И чем сильнее он сопротивлялся, тем более холодным и отстранённым казался Силин Суфэн. Этот контраст создавал невероятное напряжение, заставляя зрителя гадать о характере их отношений.

Финальный кадр был снят со спины. Тела героев почти слились воедино. Благодаря гриму и костюму Инь Чжоу казался значительно меньше Гу Цинсю. Рука генерала, лежавшая на его спине, слегка напряглась, удерживая Омегу в своих объятиях.

«Хм... — подумал Инь Чжоу. — Даже зная, что это я, и что мы оба Альфы... со стороны это выглядит довольно...»

— Между вами потрясающая химия! — воскликнул Линь Юйминь. — Оба сыграли великолепно.

Это сочетание динамики и статики, чёткое разделение Альфы и Омеги... В кадре нет вас самих, только ваши герои. Экспрессия просто зашкаливает! Эту часть переснимать не будем, берём этот дубль!

Режиссёр огляделся по сторонам:

— А где старина Чэнь? Его сегодня опять нет? Ладно, я сниму фрагмент и отправлю ему. Пусть вдохновляется.

Линь Юйминь был в восторге и тут же принялся записывать видео на телефон. Остальные начали готовиться к пересъёмке неудачного фрагмента.

Инь Чжоу не ушёл, продолжая разглядывать монитор. Гу Цинсю, проходя мимо, замедлил шаг:

— Ну и?

Юноша, не оборачиваясь, задумчиво потёр подбородок:

— Да нет, ничего. Вышло даже лучше, чем я ожидал. А вам как, учитель Гу?

Гу Цинсю не стал смотреть на экран, вместо этого он внимательно взглянул на Инь Чжоу.

— Наши тренировки не прошли даром. Твоё вчерашнее предложение было верным. Когда ты вспотел, твои феромоны действительно начали просачиваться, но на меня это почти не повлияло. Хотя тебе, должно быть, пришлось несладко.

Инь Чжоу не ожидал таких слов. Он обернулся, но Гу Цинсю уже отвёл взгляд.

— И ещё... ты отлично сыграл.

С этими словами актер вышел на съёмочную площадку. Инь Чжоу на мгновение замер, а затем тихо рассмеялся:

— Станный он какой-то. И что значит «тоже»? Я его вообще-то не хвалил.

Улыбаясь своим мыслям, он тоже направился в кадр.

Предстоящий фрагмент не был сложным, но требовал правильного настроения. Инь Чжоу намеренно не стал подходить к вентиляторам: ему нужно было вспотеть. В душном помещении, под светом мощных ламп и при полном отсутствии сквозняков, его тело быстро разогрелось.

Пока он настраивался, в голове всплыли слова Гу Цинсю о просачивающихся феромонах. Сам он во время игры этого не заметил — слишком глубоко ушёл в роль. Инь Чжоу поднёс запястье к лицу: только у самой кожи можно было уловить едва заметный аромат красного вина. «А нос у Гу Цинсю и правда чуткий», — подумал он.

Подняв голову, он столкнулся взглядом с Гу Цинсю, которому в этот момент поправляли грим. Актер смотрел прямо на него. Увидев, что Инь Чжоу принюхивается к собственному запястью, тот вопросительно выгнул бровь.

Юноша, не отводя взгляда, беззвучно произнёс одними губами:

— Мои феромоны...

Гу Цинсю напрягся, ожидая продолжения.

— ...вкусно пахнут? — добавил парень.

«.....»

Эта фраза мгновенно вернула Гу Цинсю в ту сцену, где они были вдвоём. Тонкий аромат красного вина, казалось, снова зашевелил его нервы. Актер зажмурился и резко отвернул голову. Гримёрша в недоумении замерла, решив, что он обдумывает роль, и просто зашла с другой стороны, чтобы закончить работу.

На самом деле Инь Чжоу вовсе не собирался его дразнить. Его интересовал совсем другой вопрос: когда же он сам сможет почувствовать запах феромонов Гу Цинсю? Но этот упрямец просто закрыл глаза и перестал на него смотреть!

— Так, все готовы? Начали!

Инь Чжоу мгновенно преобразился. Он снова оказался на коленях, продолжая прерванную игру.

Ло Цянь буквально вырвал своё тело из плена земного притяжения и начал медленное, мучительное движение вперёд. Его ослабшая рука несколько раз соскальзывала, прежде чем ему удалось вцепиться в собственное плечо; он вонзил ногти в плоть, пытаясь заглушить пульсирующую боль в железе.

Как только съёмка рук закончилась, настал черёд Гуань Яня. Он должен был нанести финальный, сокрушительный удар своей аурой. Инь Чжоу знал, что актер не станет сдерживаться из-за личной неприязни, но ему было всё равно: мощь Гуань Яня была лишь немногим выше уровня обычного Альфы и не могла причинить ему серьёзного вреда.

Запах табака, висевший над ним, внезапно стал гуще. Но вместо того чтобы просто давить всей массой, Гуань Янь неожиданно сфокусировал свою ауру в одну точку, словно острое шило, и нанёс резкий удар прямо по железе Инь Чжоу.

Юноша замер, словно поражённый громом.

Его железа и без того находилась в состоянии запредельной чувствительности. Оставшись без защиты и долгое время подвергаясь воздействию ненавистного запаха табака, она уже была на грани, сдерживаемая лишь волей хозяина. В обычных обстоятельствах ничего бы не случилось, как бы Гуань Янь ни старался.

Но когда чужое, враждебное присутствие так нагло и злонамеренно атаковало самое сокровенное место, феромоны Инь Чжоу взревели от ярости. И сам он пришёл в ярость.

Альфы почти никогда не атакуют железы друг друга напрямую — это место наивысшей концентрации силы, и из-за природного отторжения они ограничиваются общим давлением аур. Железа — это нечто глубоко личное, интимное, и касаться её чужими феромонами считается верхом неприличия, если не прямым оскорблением.

Но Гуань Янь перешёл черту. Такую провокацию не смог бы стерпеть ни один Альфа. И Инь Чжоу ответил ударом на удар.

Гуань Янь только успел обрадоваться тому, что ему удалось сконцентрировать свою ауру в смертоносное острие, как в следующий миг его захлестнула яростная волна чужой мощи. Это был не просто запах — это была сокрушительная лавина, обрушившаяся на него сверху. Гуань Янь почувствовал себя так, словно по голове его ударили тяжёлым молотом. Издав сдавленный крик, он рухнул на колени.

Все присутствующие на площадке застыли в ужасе.

Юноша не обращал внимания на остальных — в его глазах был только Гуань Янь. Он медленно развернулся; его лицо было мрачным и холодным. В этот миг инстинкты на короткое время взяли верх над разумом, заставляя его шаг за шагом приближаться к поверженному противнику. И с каждым его шагом концентрация феромонов в воздухе становилась всё более невыносимой.

Те, на ком были блокаторы, держались стойко, но люди, использовавшие только защитные спреи, ощутили на себе всю тяжесть этой океанической мощи. С лицами, полными ужаса, они начали пятиться.

Никто и представить не мог, что аура Инь Чжоу может быть настолько сокрушительной!

Но время для восторгов ещё не пришло: Инь Чжоу явно терял контроль!

Линь Юйминь прокричал в рупор:

— Быстрее! Несите ингибитор для Инь Чжоу! Альфы и Омеги, назад! Беты, осторожнее, не провоцируйте его! Неизвестно, сколько рассудка у него осталось, он может быть опасен!

Площадка мгновенно ожила. Сяо Ян дрожащими руками пыталась достать ингибитор из сумки, но опытный исполнительный режиссёр Лао Чжао уже спешил к актеру с препаратом наготове. Несколько крепких Бет начали окружать Инь Чжоу.

Но тот видел только Гуань Яня.

Альфа, потерявший контроль, ведом лишь своими инстинктами. В такие моменты существует только цель, и целью Инь Чжоу был этот человек. Гуань Янь лежал на полу, содрогаясь всем телом. Он кожей чувствовал ярость, исходящую от Инь Чжоу, и только сейчас понял, насколько он был наивен. Аура этого парня была несоизмеримо сильнее его собственной. Годы спокойной жизни заставили его забыть, что такое истинное превосходство Альфы — нечто первобытное, чему невозможно противостоять.

Он до боли сжал челюсти, отказываясь просить о помощи — это было последним, что осталось от его гордости. Но слёзы, рожденные инстинктивным страхом, уже непроизвольно катились из его глаз. Это было слишком страшно: он чувствовал себя слабой ланью под копытами хищника. Беспомощный, загнанный в угол, он мог лишь жалко дрожать, надеясь, что Беты подспеют вовремя.

Инь Чжоу краем глаза заметил приближающихся Бет. Не оборачиваясь, он произнёс ледяным тоном:

— Прочь.

Это было ожидаемо. Даже Альфа, потерявший контроль, понимает, что на Бету его феромоны не действуют, но он всё ещё может применить физическую силу. Поэтому Беты действовали слаженно — осветители, рабочие сцены и оператор начали сужать кольцо. Оператор заговорил негромким, успокаивающим голосом:

— Учитель Инь, посмотрите на него. Он уже повержен, он не может вынести вашей силы... Помните, мы на съёмках? Давайте мы просто сделаем вам укол, и вам сразу станет легче.

Если Альфа идёт на контакт — это лучший сценарий, но чаще всего инстинкты делают их крайне агрессивными. Инь Чжоу по-прежнему не оборачивался, его голос стал хриплым и низким:

— Уходите. Вас это не касается.

Надо признать, он вёл себя на удивление сдержанно — в его тоне не было ярости, направленной на них, и он не пытался напасть первым. Рабочие сцены обменялись взглядами: так продолжаться не могло, нужно было действовать решительно.

Но когда они уже были готовы броситься на него, чтобы скрутить силой, рядом раздался спокойный голос:

— Погодите. Я сам.

— Учитель Гу! Но вы же Альфа! Как вы... почему на вас это не действует?

Гу Цинсю, будучи единственным Альфой высшего класса на площадке, по всем законам природы должен был испытывать сильнейшее отторжение к чужой мощи такого уровня. Обычно Альфы в такой ситуации либо вступают в схватку, либо уходят как можно дальше. Но мужчина не просто остался — он с совершенно невозмутимым видом шёл прямо к эпицентру бури.

Все замерли, с тревогой наблюдая за ним. Не хватало только, чтобы и второй Альфа потерял контроль!

Гу Цинсю мельком глянул вперёд: Гуань Янь уже тихо подвывал от ужаса, а Инь Чжоу был от него в трёх шагах.

— Я знаю его характер. Если вы сейчас наброситесь на него толпой, завяжется драка. Я обездвигу его, а вы ловите момент и вкалывайте ингибитор.

Мужчина понимал: Инь Чжоу только кажется спокойным, на деле же он невероятно упрям. Потеря контроля лишь обнажает истинную натуру человека. Он не остановится, пока не раздавит Гуань Яня окончательно.

— Но...

— Некогда рассуждать!

С этими словами он зашёл Инь Чжоу за спину и, резко рванувшись вперёд, обхватил его сзади. Он намертво прижал руки юноши к его бокам, стягивая их стальным кольцом своих объятий.

Инь Чжоу почувствовал его в ту же секунду. Не проронив ни слова, он со всей силы ударил локтем назад, целясь Гу Цинсю под рёбра, прямо в жёсткую пластину доспеха. Раздался глухой удар. Сила Альфы была внушительной, и этот удар мог бы свалить с ног любого.

Присутствующие дружно ахнули.

Но Гу Цинсю даже не шелохнулся. Он лишь крепче сжал руки, сдерживая напор противника. Тот попытался навалиться на него всем весом, надеясь опрокинуть противника, но Гу Цинсю стоял как вкопанный. Они отступили на несколько шагов назад, и Гу Цинсю удалось перехватить одно из запястий Инь Чжоу.

Между ними завязалась безмолвная, но яростная борьба. Шум их шагов и звук ударов тела о доспехи эхом разносились по замершей студии, заставляя сердца присутствующих биться чаще.

Спустя несколько мгновений они оказались за светоотражающей панелью, рядом с декоративной каменной горкой. На миг они скрылись из виду. Беты не могли подойти спереди и начали обходить препятствие.

И в ту секунду, когда они остались наедине, Гу Цинсю внезапно прошептал:

— Прости.

Он резко пригнулся и сквозь ткань одежды несильно, но ощутимо прикусил железу Инь Чжоу.

Зрачки юноши расширились. Он уже готов был закричать, но в тот же миг Гу Цинсю плотно накрыл его рот ладонью, заглушая рвущийся наружу звук. И в ту же секунду тело Инь Чжоу обмякло, и Альфа медленно опустился вместе с ним на пол.

<http://bllate.org/book/15873/1442941>